

На правах рукописи

ФЕДОРОВА НАЙЛЯ ИВАНОВНА

**Концепт *небо* в народных приметах
русского языка**

Специальность 10.02.01 – русский язык

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Казань – 2011

Работа выполнена на кафедре современного русского языка и методики преподавания федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор
Фаттахова Наиля Нурыйхановна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Пименова Марина Владимировна
ФГБОУ ВПО «Кемеровский
государственный университет»

кандидат филологических наук, доцент
Вагнер Кира Рустемовна
ЧОУ ВПО «Институт экономики,
управления и права»

Ведущая организация – ФГАОУ ВПО «Белгородский
национальный исследовательский
университет»

Защита состоится «20» октября 2011 г. в ____ часов на заседании диссертационного совета Д.212.078.04 при ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» по адресу: 4200021, г.Казань, ул. Татарстан, 2.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке им. Н.И. Лобачевского ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Электронная версия автореферата размещена на сайте ФГАОУ ВПО «Казанский (Приволжский) федеральный университет» «16» сентября 2011 г. Режим доступа: <http://ksu.ru>

Автореферат разослан «__»_____ 2011 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук,
доцент

С.С.Сафонова

Реферируемая диссертация посвящена исследованию семантики, синтаксиса и прагматики русских народных примет с компонентом *небо*.

Актуальность предпринятого исследования обусловлена тем, что народные приметы с компонентом *небо* рассматриваются в рамках антропологической и когнитивной парадигм языкознания, позволяющих решить ряд проблем, связанных с хранением в языке целого комплекса знаний об окружающем нас мире.

Устное народное творчество, передаваясь в течение многих столетий из поколения в поколение, отражает исторический опыт народа, его духовный и нравственный облик, особенности национального менталитета. По утверждению известного ученого З.К. Тарланова, «язык устного народного творчества – это особая область, которая должна быть самостоятельным объектом лингвистического исследования» [Тарланов 1984: 24]. Интенсивное изучение языковой структуры произведений народного творчества позволило по-новому взглянуть на явления, представляющие язык фольклора, однако, несмотря на повышенный интерес к его изучению, язык фольклора продолжает оставаться недостаточно изученной областью словесного творчества. С той или иной полнотой монографически описан язык лишь отдельных жанров, а такой жанр, как народные приметы, остается на сегодняшний день наименее изученным (Н.А. Андрамонова, М.И. Закиров, М.А. Кулькова, Е.Г. Павлова, Г.Л. Пермяков, Т.С. Садова, А.М. Тарасов, С.А. Токарев, Е.Н. Тонкова, С.В. Туганова, Н.Н. Фаттахова, В.К. Харченко, О.Б. Христофорова).

Кроме того, **актуальность** стимулируется неизученностью основных концептов, представленных четырьмя первостихиями (воздух, вода, огонь, земля), в рамках наивной картины мира. Народные приметы являются неотъемлемой частью национальной картины мира. Будучи лингвокультурными текстами, приметы образуют определенный пласт культуры отдельного этноса, отражают духовную и физическую деятельность носителей данной культуры, особенности мышления и мировосприятия представителей определенного лингвокультурного социума. Как известно, картина мира обычного носителя языка состоит из зафиксированных в языке донаучных понятий, а сам носитель языка воспринимает весь окружающий мир с так называемым наивным реализмом, нашедшим наиболее полное отражение в паремиологическом фонде каждого языка, неразрывно связанного с суевериями, предсказаниями, запретами, приметами.

Научная новизна диссертации заключается в том, что русские народные приметы, вербализующие концепт *небо*, впервые подвергаются комплексному анализу, позволяющему установить способность приметы как полифункционального знака к реализации функций не только языка, но и культуры, демонстрируя тем самым огромный лингвокультурологический потенциал.

Теоретическая значимость данного исследования состоит в необходимости выявления лингвистической сущности народных примет с компонентом *небо*, установления их места в иерархической структуре народных примет с разным

семантическим наполнением. Осуществленное исследование позволяет восполнить определенный пробел в исследовании языковой и лингвокультурной природы русских народных примет. Результаты исследования могут быть использованы для решения таких теоретических вопросов, как соотношение языка и культуры, специфики фольклорной картины мира.

Объектом исследования выступают русские народные приметы, содержащие лексемы, объединенные концептом *небо*. Обращение к данному концепту обусловлено не только филологической, но и общекультурной значимостью исследования концепта *небо*.

Предметом изучения является семантика и структура номинативного поля концепта *небо*.

Цель настоящей работы заключается в исследовании семантической структуры и особенностей функционирования народных примет, содержащих лексемы, входящие в номинативное поле концепта *небо*, в лингвокультурологическом аспекте.

Достижение поставленной цели определяет следующий спектр задач:

1. Осветить теоретические вопросы, связанные с определением понятия *концепт* в рамках современной антропоцентрической парадигмы; на основе анализа научной литературы уточнить лингвистический статус других базовых понятий в области концептологии;

2. Выявить в паремиологическом фонде русского языка корпус метеорологических и сельскохозяйственных примет с компонентом *небо*;

3. Описать структуру и содержание концепта *небо* в русских народных приметах;

4. Рассмотреть сочетаемость лексем номинативного поля концепта *небо* на уровне предикативных и атрибутивных отношений в народных приметах русского языка;

5. На основании анализа средств вербализации концепта *небо* в системе народных примет русского языка выделить в содержании исследуемого концепта культурно-национальные черты;

6. Охарактеризовать структурно-семантические типы простых и сложных предложений в системе народных примет с компонентом *небо*.

Поставленные цель и задачи определили необходимость комплексной **методики исследования**, обусловленной спецификой самого объекта исследования. В ходе научной работы были использованы описательный метод (представляет собой наблюдение и классификацию эмпирического материала), метод первичной сегментации (выделение структурных элементов и их интерпретация), метод дефиниционного и компонентного анализа, статистический метод, лингвистическое описание, предполагающее наблюдение и исследование материала.

Эмпирической базой послужила полученная в результате сплошной выборки из различных сборников народной мудрости, календарей, месяцесловов картотека объемом более 1500 русских народных примет (В.И. Даль «Пословицы русского народа», А.С. Ермолов «Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах,

поговорках и приметах», Г.Д. Рыженков «Народный месяцеслов», В.А. Степанов «Народные приметы о погоде», А.Н. Стрижев «Календарь русской природы»).

В качестве **методологической и теоретической базы** исследования выступают следующие научно-теоретические положения выдающихся лингвистов Э. Сепира, В.фон Гумбольдта, А.А. Потебни. Определение когнитивного подхода как преобладающего в современной лингвистике обусловило обращение к научным трудам В.В. Воробьева, В.И. Карасика, Е.С. Кубряковой, М.В. Пименовой, З.Д. Поповой, Ю.С. Степанова, И.А. Стернина. Аналитическая деятельность в отношении народных примет опиралась на положения Г.Л. Пермякова, З.К. Тарланова, В.К. Харченко, О.Б. Христофоровой, Н.Н. Фаттаховой, М.А. Кульковой, диссертационные исследования К.Р. Вагнер, М.И. Закирова, С.В. Тугановой.

Практическая значимость работы усматривается в возможности использования материала в лекционных курсах по лексикологии, страноведению, спецкурсах по паремиологии, лингвокультурологии.

На защиту выносятся **следующие положения**:

1. Народные приметы как лингвокультурологические тексты представляют определенный пласт культуры данного этноса, раскрывая особенности духовной и физической деятельности носителей культуры. Лингвокультурологическая составляющая проявляется и в способности регулировать поведение людей (регуляторная функция примет выделяется наряду с прогностической, кумулятивной и др.);

2. Концепт *небо* в рамках народных примет представлен словом-стимулом *небо*, а также словами-ассоциатами, называющими небесные тела, скопления воздушных масс, оптические и акустические явления (солнце, луна, звезды, радуга, заря, облако, туча). В номинативное поле мы включаем и однородные словам-ассоциатам образования (солнечный, звездный, небосклон и т.д.). Каждое из слов-ассоциатов имеет определенную сочетаемость, на семантическом уровне выражающую прогнозообразующие составляющие приметы;

3. Реализуемые в народных приметах условно-временные отношения имеют различные способы репрезентации. Степень экспликации указанных отношений в свою очередь влияет на формальную организацию приметы. Так, простые предложения и сложные бессоюзные предложения, не имея формальных признаков выражения условно-временных отношений, реализуют их имплицитно.

Апробация результатов исследования проводилась в рамках международных, всероссийских и республиканских научных конференций. По теме диссертации было опубликовано 9 статей, из которых 2 напечатаны в сборниках ВАК. Результаты и основные положения излагались на международных конференциях: Международная конференция молодых филологов (24-25 февраля 2010, Таллин, Эстония), «Филология и образование» (3-5 июня 2010, Казань), «Языковые измерения: пространство, время, концепт» (2 июля 2010, Москва), «Международный симпозиум «Тенишевские чтения»

(14-15 апреля 2011, Казань), а также на республиканских конференциях: «Современные проблемы русистики и лингвометодики» (25 января 2009, Казань).

Структура и основное содержание работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения, библиографии и приложения.

Основное содержание работы

Во **введении** раскрывается актуальность исследования народных примет, содержащих лексемы номинативного поля концепта *небо*, формулируются цели и задачи работы, определяются объект, предмет и методы исследования, аргументируется научная новизна, теоретическая значимость и область практического применения полученных результатов, излагаются положения, выносимые на защиту.

В *первой главе* «**Теоретические основы лингвистического изучения примет**» излагаются основные положения когнитивной лингвистики, анализируется содержание понятий *концепт*, *номинативное поле концепта*, определяется номинативное поле концепта *небо*, а также рассматривается история изучения народных примет. В первом параграфе раскрываются особенности современного лингвистического направления – когнитивизма, второй параграф посвящен интерпретации понятия *концепт*, в третьем параграфе анализируется номинативное поле концепта *небо*, четвертый параграф посвящен анализу жанров фольклора как предмета лингвистического исследования, пятый параграф раскрывает специфику изучения народных примет, их классификации и особенности.

I.1. Идея антропоцентричности, преобладающая в современном языкознании, представляет язык как неотъемлемую часть мыслительного процесса человека. Данный факт обращает внимание исследователей не столько на саму структуру языка, сколько на его экстралингвистические особенности, связи с другими науками (психологией, философией, логикой и др.), а также культурным и интеллектуальным фоном личности, определяющим выбор тех или иных языковых средств для выражения заданной мысли.

Опорным словом современного лингвистического учения является *когниция*. Понятие *когниция* восходит к попыткам логиков установить общие законы, которые были бы справедливы во всех областях науки и практики, что находит отражение и в языкознании, стремящемся объединить язык, мышление и экстралингвистические факторы. Мысли о широте и всеобъемности когнитивной лингвистики придерживается и В.А. Маслова: «Когниция – основное понятие когнитивной лингвистики, оно охватывает знание и мышление в их языковом воплощении, а потому когниция, когнитивизм оказались тесно связаны с лингвистикой. Сейчас уже стало аксиомой, что во всем комплексе наук о человеке сталкиваются, в первую очередь, отношения между языком и другими видами человеческой деятельности. Язык даже в большей степени, чем культура и общество, дает когнитивистам ключ к пониманию человеческого поведения» [Маслова 2005:9].

I.2. Необходимость систематизации научного подхода требует определения элементарного, основного понятия, на котором будет базироваться структура подхода. В рамках когнитивной лингвистики таким ключевым элементарным понятием является *концепт*. Антропоцентрическая направленность исследования предполагает применение термина *концепт* в качестве средства рассмотрения познавательной деятельности человека.

Постижению природы концепта в когнитивной лингвистике уделяется пристальное внимание. Содержание данного понятия варьируется в концепциях разных научных школ. Определение может быть как обобщенным: «Что человек знает, считает, представляет об объектах внешнего и внутреннего мира и есть то, что называется концептом. Концепт – это представление о фрагменте мира» [Пименова 2004: 8], так и более конкретным: «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношением общественного сознания к данному явлению или предмету» [Стернин, Попова 2007:34].

Многообразие толкований понятия *концепт* развивается в связи с различными целями когнитивных исследований. Так, исследования, направленные на комплексный анализ концепта, будут базироваться на чувственном, ассоциативном, эмпирическом, зрительном, оценочном и др. видах восприятия определенного концепта; в то время как исследования, направленные на изучение определенной составляющей концепта, будут подразумевать более узкое представление концепта.

В нашем исследовании мы будем рассматривать лишь одну составляющую концепта *небо* – зрительную, что обусловлено целями и задачами нашего исследования.

I.3. Анализ концепта в первую очередь предполагает выявление системы средств его языковой объективации. Совокупность репрезентирующих концепт языковых средств называется номинативным полем концепта.

Исследуя соотношение объекта действительности с языковыми средствами его номинации, мы руководствуемся стандартным и уточняющим обозначениями, так как преследуем цель отразить народные представления об объекте действительности, называемом *небо*. Именно поэтому анализируем данное явление как «все видимое над Землей пространство» [Ожегов 2007:401].

Таким образом, к языковым средствам, способным входить в номинативное поле концепта *небо*, относим следующие:

1. Ключевое слово *небо*, репрезентант концепта, которое понимается нами как имя концепта и как имя номинативного поля;
2. Однокоренные слова *небосклон*, *небосвод*;
3. Ассоциативное поле (совокупность ассоциатов), созданное в результате соотнесения данных, полученных путем эксперимента со словом-стимулом, а

также в результате сплошной выборки лексем народных примет по своему толкованию имеющих «расположение или отношение к небесному пространству».

I.4. - I.5. Современная лингвистика, развивая культурологический характер исследования, расширила диапазон предметов изучения, включив в его состав и паремиологический фонд языка.

Однако появление фольклорно-филологического направления в лингвистической науке не является абсолютным нововведением. Начало русской фольклорно-филологической традиции восходит ко второй половине XIX в. Ее составили многочисленные исследования в области народной мифологии и фольклора, проведенные выдающимися российскими филологами того времени: Ф.И. Буслаевым, А.Н. Афанасьевым, А.А. Потебней, А.Н. Веселовским.

Теоретическую направленность их исследований во многом определяла эволюционная проблематика, в которой условно выделялись два аспекта:

1) проблема генетической связи различных видов словесных фольклорных форм (эпических сказаний, былин, сказок, басен, пословиц, поговорок, народных и литературных афористических выражений и т.д.) с мифом;

2) проблема взаимосвязи указанного комплекса форм (микрожанров) с языком.

Естественно предположить, что ученые XIX в. не задавались целью проследить особенности функционирования различных уровней языка в системе названных микрожанров.

Внимание привлекает тот факт, что в качестве примеров жанров фольклора чаще приводятся пословицы, поговорки, исключая потешки, прибаутки, загадки, приметы, тогда как появление каждого из жанров обусловлено конкретной целью. Так, примета служит для раскрытия взаимосвязи между наблюдаемыми явлениями: «Примета всегда указывает на какое-либо соотношение, большей частью уже непонятное для народа, между двумя явлениями физического или нравственного, из которого оно служит предвестием другого, непосредственно за ним следующего сбыться в скором времени» [Афанасьев 2009:39].

В настоящее время народные приметы активно изучаются с лингвистической точки зрения, что стало возможным ввиду фиксации народных примет в специальных сборниках (А.В. Смоленский, К.Ф. Агринский, П. Симони, В.И. Даль, А.С. Ермолов, Г.Д. Рыженков и др.).

Утверждение когнитивизма в лингвистике стимулировало появление ряда «лингвоориентированных» подходов к изучению народных примет, среди которых следующие: структурно-семантический (О.Б.Христофорова, Н.Н.Иванова, Т.С. Садова), лингвокультурологический (Н.Н. Фаттахова, М.А. Кулькова, К.Р. Вагнер, С.В. Туганова) и структурно-функциональный (Г.Л.Пермякова, Е.Г.Павлова, В.К.Харченко).

В рамках данного исследования под народными приметами понимаются устойчивые конструкции, отражающие условно-следственную связь между периодически повторяющимися наблюдаемыми явлениями действительности.

Во второй главе «Структурная организация номинативного поля концепта *небо* в системе русских народных примет» анализируется структура

концепта *небо*, исследуется имя концепта с целью формирования содержания концепта, рассматривается диахроническое изменение лексического значения лексемы *небо*, определяется ядро и периферия концепта, рассматриваются семантико-синтаксические особенности каждой из выявленных лексем номинативного поля концепта.

П.1. Анализ концепта, проводимый на основе фольклорных произведений, является специфичным ввиду отражения мировоззренческих представлений народа, нашедших воплощение в конкретных языковых формах.

Первоначальным этапом формирования содержания концепта считаем обращение к словарной дефиниции имени концепта *небо*.

Толкование лексемы *небо* имеет различные варианты. Так, В.И. Даль понимал под небом «бесконечное, выпященное пространство, окружающее землю нашу; вся ширь и глубь вселенной, иногда со включением мироколицы нашей...Мнимое твердь над нами, видимый полый шар, внутренняя плоскость его, к коей мы относим и все зримое в пространстве, небесный свод» [Даль, 1955 II: 503]. Определение Д.Н. Ушакова является более сжатым: «Видимое вверху над землей пространство в форме свода, купола; небосвод....Окружающее землю сферическое пространство, место кажущегося расположения светил, как астрономическое понятие» [Ушаков 2000 II: 273]. С.И. Ожегов определял небо следующим образом: «Все видимое над Землей пространство» [Ожегов 2007:356].

Анализ дефиниций позволяет проследить постепенное нивелирование разделения видимого пространства на составляющие части, что было четко представлено в толковании В.И. Даля. Кроме того, согласно статье В.И. Даля, все видимое верхнее пространство разделялось на следующие составляющие: *небосклон* (подзор небесный, окраина, видимый край неба у земли), *небостык* (черта, в коей небо стыкается с землею).

Общим для всех приведенных словарных статей является следующее:

1) фиксация оппозиции «небо – земля»: небо представляет собой пространство, находящееся «вверху», «над землей», что в свою очередь доказывает и ряд фразеологизмов: *Упасть с небес на землю* (от мечтаний обратиться к реальной жизни), *между небом и землей* (в неопределенном положении), *небо и земля / небо от земли* (о чем-то сильно различающемся, совершенно не сходном между собой);

2) восприятие небесного пространства как местоположения небесных светил. Об этом свидетельствуют примеры, приводимые в статьях толковых словарей: *Тучи обложили небо. Высоко в небе сияло солнце. Карта звездного неба.*

Таким образом, в качестве центральных характеристик концепта *небо* выделяем пространственную и объектную, реализуемые посредством указания на ряд наблюдаемых в данном пространстве предметов (небесных светил). Данные характеристики реализуются и в народных приметах: пространственная (*Если луна висит на небе вниз рогами и вверх спиной (последняя четверть), то долго будет пасмурно и ненастно; Если Млечный Путь на небе полон звезд и светел – к ведру; Столбы на небе зимой – северное сияние – к холодам, к стуже*); объектная

(*К морозу небо в высыпках звезд, к оттепели – тусклое, слепое; Если летом при закате солнца с северной стороны небо покраснеет, будет заморозок или холодная роса; Небо «сметанится» – к дождю*).

II.1.1. Ядро номинативного поля устанавливается через синонимическое расширение ключевого слова или через анализ контекстов, в которых номинируется исследуемый концепт. При анализе концепта *небо* как зрительно-ассоциируемого образа мы руководствуемся теоретическими исследованиями концепта *небо* (Г.Е. Гуляева, Е.Е. Демидова, К.С. Миронова, Е.П. Панасова, Н.П. Сидорова, Сяо Чжун), а также результатами анкетирования, определившими в качестве ядра концепта наиболее часто ассоциируемые и представляемые небесные светила: солнце, луну, звезды.

Группа *небесные светила* является наиболее подходящей для анализа концепта *небо* ввиду своей «компактности», а также того, что именно концепты *солнце, луна, звезды* в сознании людей имеют конкретное месторасположение – небо, значит, ассоциируются (актуализируются) в первую очередь при упоминании имени анализируемого концепта. Об этом свидетельствует и народное изречение: *Солнце – царь неба, луна и звезды – его семья*, отражающее представление народа о небесных светилах как о неотъемлемых составляющих небосвода.

К.С. Миронова также относит небесные тела к концепту *небо*, используя по отношению к небу не только термин концепт, но и концептосфера, что, на наш взгляд, представляет анализируемую единицу как более сложную с точки зрения содержания и структуры.

Синтезируя научное и ненаучное представления о мире, получаем следующее представление о солнце: 1) солнце – удаленное от земной поверхности, самое большое по размеру светило, расположенное в пределах пространства, обозначаемого лексемой *небо*; 2) солнце способно излучать тепло и свет; 3) солнце имеет определенную форму – шарообразную; 4) солнце появляется на небосклоне в определенное время суток.

Данные характеристики находят отражение и в народных приметах: термальная (*Солнце прогреет – все поспеет*), колористическая (*Когда солнце красное – оно радуется*).

Среди специфических характеристик лексики *луна* выделяются пространственная, темпоральная, а также указание на форму небесного светила, что является доминирующей прогнозообразующей характеристикой небесного тела. *Молодой месяц дождь обмывает; Богоявление под полный месяц – к большому разливу; Если молодой человек покажется после третьего дня по новолунию – погода будет переменная*.

Лексема *звезды* в качестве прогнозообразующих характеристик имеет следующие: количественную (*Частые звезды – к теплу и снегу, редкие – к ненастью и вьюге*), динамическую (*Звезды «прыгают» – к холоду*), колористическая (*Звезды яркие и искрятся – к морозу*).

Анализ указанных характеристик небесных тел совместно с анализом дефиниций толковых словарей позволяет отнести лексемы *солнце, луна, звезды* к ядру номинативного поля концепта *небо*.

Согласно этимологическим словарям, «небо...и.- е. корень * (е) nebh – о видимом небе, особенно об облаках, о тумане [Историко-этимологический словарь 1991 I: 563]. Упоминание облаков, туч как видимых образований на небе встречается и в толковании В.И. Даля: «небо – бесконечное, выпретенное пространство, окружающее землю нашу; вся ширь и глубь вселенной, иногда со включением мироколицы нашей: По-небу тучи, облака... » [Даль 1995 II: 503].

Руководствуясь статистическим принципом при составлении структуры номинативного поля, относим лексемы *облако/туча* к промежуточному положению между ядром и периферией поля. К периферии поля относим лексемы *гроза, гром, радуга, заря*.

II.2.1. Формирование номинативного поля позволяет произвести системное описание семантико-синтаксических особенностей функционирования каждой из названных лексем, а также выявить культурологические особенности концепта.

Небо может восприниматься как самостоятельный субъект, то есть выступать непосредственным предметом наблюдения и прогнозирования. *Небо принасунилось – ненастье станет; Если небо прохудится, то все лето будет дождик литься; Если вечернее небо туманно, надуться – к ветру*.

В данных приметах используется олицетворение, что связываем с распространением язычества, основанного на поклонении различным природным явлениям: «олицетворение – древнейший прием языкового мышления, отражающий принципы анимализма и антропоцентризма. Примете прием персонификации приметоносителя обеспечивает эмоциональное насыщение, подключение эмоций к процедуре считывания прогнозной информации» [Харченко, Тонкова 2008:69]. В качестве средств репрезентации восприятия неба как одушевленного объекта выступают глаголы *надуться, принасуниться, сметаниться*, что позволяет заключить следующее: небо представлялось неким живым существом, способным пребывать в ярости, а затем и изменять свой цвет.

Небо может восприниматься и как второстепенный объект, называющий пространство, где наблюдается основное действие: *Вороны в небе устроили хороводы – к снегопаду*.

II.2.2. Лексемы, называющие небесные тела (*солнце, луна, звезды*), образуют ядро концепта *небо*.

При обращении к солнцу как к предвестнику погоды внимание уделялось пространственно-временным характеристикам. Темпоральные характеристики включают в себя: 1) соотнесенность появления солнца со временем года, что передается с помощью атрибутивных и пространственных конкретизаторов: *Летом солнце восходит в тумане – днем будет тихо и душно, а если восходит из-за тучи или из-за рваных облаков – признак наступления ненастья или дождя*; 2) соотнесенность с определенным месяцем: *Если в середине мая солнце восходит ясно, то всему лету быть таким – ведренным*; 3) соотнесенность ко времени суток: *При летнем утреннем восходе солнце красное – предвещает к полудню*

дождь, а если возле утреннего солнца радуга – также к дождю; 4) соотнесенность с определенным днем Месяцеслова: *Если накануне Еремея солнце взошло ясно, то быть и всему лету ясному и ведренному; Если в день Святого Ерофея в полдень было солнце – к ранней весне; На Татьянин день было солнышко – к раннему прилету птиц, а если в этот день было снежно – к дождливому лету;* 5) соотнесенность с определенным днем: *Октября 12 дня Солнце входит в знак Скорпиона; Когда бывает в тот день гром, то недород хлеба и голод, скотине упадок, зверям погибель, масла и меда мало.*

К темпоральной посуточной характеристике относим и лексемы *закат/восход*, так как восход, по определению С.И. Ожегова, «время, а также место появления светила над горизонтом» [Ожегов 2007:99], а закат понимается как «заход за линию горизонта (солнца, небесного светила), время такого захода» [Ожегов 2007:206]: *Если солнце при утреннем восходе кажется больше обыкновенного – жди урожая; Солнце при восходе красноватое – к ветру.*

Маркирование момента появления солнечного света и его исчезновения находило отражение и в суеверных представлениях славян: после захода солнца запрещалось выходить из дома, работать, ходить в баню, купаться. Промежуток времени, связанный с появлением солнца и его пребыванием на небосклоне, вызывал опасение: старались не поворачиваться спиной к солнцу даже во время работы, не плевали в сторону солнца, считая, что иначе воцарится тьма: *Борони поле по солнцу, лошадь не вскружится; По закату солнца хлебом и деньгами не ссужаются; Когда солнце закатилось, не бросай сор на улицу: пробросаешься.*

Особенностью пространственной характеристики является отсутствие традиционных географических указаний на части света. В качестве пространственных конкретизаторов выступают предложно-падежные формы лексем *облако/туча*: *Солнце восходит из-за тучи – к хорошей погоде; Солнце заходит в тучу, без малейшего просвета – быть завтра дождю, а заходит красным – быть буре.*

Сочетание лексемы *солнце* с глаголом *быть* свидетельствует о том, что в ряде случаев для наблюдателя важно лишь наличие светила на небосклоне: *Если в день Святого Ерофея (20 января) в полдень было солнце – к ранней весне; На Татьянин день было солнышко – к раннему прилету птиц, а если в этот день было снежно – к дождливому лету.*

Сочетание лексемы *солнце* с глаголами *садится, заходит, вскочит, проглянет, улыбается, играет* указывает на наличие антропоморфной метафоры в народных приметах: *Зимой солнце сквозь слезы улыбается; На Мануила солнце застаивается; На Тихона солнце тише идет; На Петров день солнышко играет.*

Н.С.Шапарова отмечает, что по «народному поверью солнце играет пять раз в году: на Рождество, Богоявление, Благовещение, Светлое Воскресенье, Иоанново рождение» [Шапарова 2001:497]. Нами зафиксированы только четыре случая фиксации указанного поведения небесного тела (На Петров, на Иванов дни, на Рождество, на Благовещение). Возможно, категоричный характер данного утверждения обусловлен иной, «непрогностической» значимостью указанных дней Месяцеслова.

Приметы, содержащие лексему *солнце*, предсказывают:

- 1) выпадение осадков: *Солнце садится за стену, а остальное небо чистое – к дождю*;
- 2) урожайность: *Снег тает сверху от солнца – хлеб будет плохой*;
- 3) термальные изменения: *Зимой столбы вокруг солнца – к морозам*;
- 4) наличие солнца на небосклоне (ясная/ненастная погода): *После ясного дня солнце заходит в серую тучу – к ненастью*;
- 5) поведение животных и птиц: *На Татьяну проглянет солнышко рано – к раннему прилету птиц*.

В народных приметах, содержащих лексему *луна*, в качестве прогнозообразующих характеристик небесного тела выступают следующие: колористическая (*Луна покраснела – жди ветра-пострела; Тусклый месяц – к мокроте, ясный – к суху, в синеве – к дождю, в красне – к ветру*), форма луны (*Месяц на «копытцах» – к холоду, на спине – к теплу, дождику или снегу*), темпоральная (*Если летом молодая луна изогнута менее обычного – к дождю, а зимой – к снегу в течение месяца; На Евлампия рога месяца кажут в ту сторону, откуда быть ветрам*).

Особое внимание наблюдателями уделялось фазам луны, которые были отмечены еще в русской рукописи XVI века – «Луннике» (сборнике примет по дням луны). В настоящее время фазы луны также представляют собой довольно важную темпоральную характеристику приметы, знаменующую различные сельскохозяйственные и бытовые работы: *В новолуние сей горох – больше сберешь; Горох сей в первые дни новолуния; Сеять и сажать надо в полнолуние или на ущербе месяца*.

Характеристика небесного тела является доминирующей, что объясняет развитие синонимического ряда лексем, указывающих на фазу луны. Светило, находящееся на небосклоне в первую четверть, обозначается следующим рядом синонимов: *новь, новичок, молодой месяц, молодая луна*. Из четырех представленных контекстуальных синонимов наиболее ясными представляются словосочетания *молодой месяц, молодая луна*, так как указание на фазу луны заключается в эпитете *молодой* в значении «недавно начавший расти, существовать».

Полнолуние обозначалось следующим образом: лексемой *полнолуние*, словосочетанием *круглая луна*: *Не бывает Великой субботы без круглой луны; Яровую рожь и пшеницу сей в полнолуние, а овес – два дня спустя или двумя днями раньше*. В основу образования данных контекстуальных синонимов положено представление о форме небесного светила, напоминающего круг.

Ряд предсказаний строится и по характеру небесного светила в последнюю четверть пребывания на небосклоне. Данная фаза обозначается следующими лексемами: *исход* (*Картошку сей на исходе, никогда не будет мелка*), *ущерб* (*На ущербе новой хаты не начинают строить, ничего не кладут*), *ветошками* (*Ветошками хорошо истреблять вредных насекомых и червей в огороде*), *убывающая луна* (*На убывающей луне сажают растения*). Интересным представляется современное лексическое толкование названных лексем. Так,

падежная форма *на ущербе* толкуется как фаза луны, «когда виден ее уменьшающийся серп» [Ожегов 2007:846]. Лексема *исход* не фиксируется в словарях в значении «последняя фаза луны», однако значение «завершение, конец» [Ожегов 2007:256] указывает на завершение срока пребывания светила на небосклоне. Лексема *ветошка* имеет значение «старая тряпка, лоскут», что говорит о наличии скрытого сравнения в приметах, так как в данном случае месяц сравнивается со старой тряпкой по временному принципу. Своего рода образность проявляется и в обращении к атрибутивному конкретизатору *старый*, указывающему на «возраст» небесного тела: *Кормленого кабана надо резать на старом месяце: сало не будет портиться, червь не будет заводиться*.

Столь пристальное внимание к фазам луны обусловлено введением церковного календаря, сменившего дохристианский земледельческий календарь, ориентированный по солнцу: «Луна, постоянное изменение ее фаз играли большую роль в народном аграрно-магическом календаре. По лунным фазам гораздо сподручнее было считать время, чем по солнцу; и потому вся повседневная хозяйственная деятельность, бытовое поведение, семейные обряды и ритуалы определялись фазами луны [Шапарова 2001: 336].

Приметы, содержащие лексему *луна/месяц*, прогнозируют урожайность (*Если капусту садить во время нови, то она будет высокая, хрупкая*), появление солнца на небосклоне (*Красноватый круг вокруг луны, скоро пропадающий, – к ведру*), термальные изменения (*Луна ясная – предвестник мороза*).

Лексема *звезды* имеет следующие прогностические характеристики: частотность (*Если звезды частые – к холоду; Летом на небе видно мало звезд – к ненастью; Если звезды редкие – к ненастью и выюге*), степень яркости (*Яркие звезды зимою – к морозу, тусклые – к оттепели; Если звезды блестят не ярко и как бы темнеют, то это предвещает перемену погоды с ветром и грозой*), темпоральность (*Звездные ночи в конце апреля – к урожаю*), динамическое поведение (*Звезды как бы играют в ночном небе – к дождю*).

II.2.3. Лексема *облако/туча*, входящая в номинативное поле концепта *небо*, обозначает скопление воздушных паров, часто употребляется в народных приметах как прогнозообразующий субъект.

Согласно дефинициям толковых словарей раскрываются следующие особенности лексем *облако* и *туча*: 1) *облако* и *туча* понимаются как явления одной природы; 2) при характеристике явлений основное внимание уделяется колористической составляющей; 3) образование серого либо белого цвета называется *облако*, образование темного цвета – *туча*; 4) прилагательное *грозовая* включает в себе народное представление о том, что *туча* априорно является предвестницей грозы.

Внимание привлекают и разнообразные способы репрезентации динамического поведения называемых образований. Чаще всего для обозначения передвижения употребляются глаголы *идти, двигаться, плыть*: *По горизонту движется кучево-дождевое облако, напоминающее наковальню, – предвещает скорую грозу*. Возможна и более распространенная динамическая характеристика, включающая в себя образ перемещения. Так, глагол *ходить* подчеркивает

хаотичность движения: *Кучевые облака ходят низко – к ненастью, высоко – к погожему дню.*

Прогноз может осуществляться также по особенностям формы (*Перистые облака – предвестники близких перелетов птичьих стай*) и цвета (*Если весной при закате солнца с южной стороны горизонта виднеется темное облако, то надо ожидать теплой погоды*).

В народных приметах отражается образное восприятие наблюдаемых явлений, построенное на сравнении с объектами действительности. Сравнение передается следующими способами: 1) сочетанием слов с лексемой в виде: *Если перистые облака вытянуты по всему небосклону да еще загнуты в виде ноготков – к дождю; Появились перистые облака в виде нитей с загнутыми концами, через 20 минут придет ненастье;* 2) сочетанием с лексемой наподобие: *Если показались волнистые облака наподобие гребней морских волн – жди скорого ненастья;* 3) творительным падежом имени существительного: *Появляются облака комками – дождь долго не продлится.*

II.2.4. - II.2.5. Лексемы *гром, гроза*, называющие комплексные явления оптического и акустического характера, употребляясь в народных приметах, сочетаются с глаголами движения (*надвигаться, пройти, расходиться*); глаголами физического или морального воздействия (*убить, спалить, велеть*). Данный факт в сочетании с употреблением дня Месяцеслова придает примете суеверный характер: *На Илью снопов не мечут – спалит грозой; Кто на Палея работает, у того гроза хлеб спалит; На Магдалину в поле не работай – гроза убьет; Тимофеевские знамена грозой грозят.*

Приведенные приметы заключают в себе запрет либо предупреждение, связанные с ветхозаветными представлениями о святых, в честь которых названы дни Месяцеслова. Так, считалось, что Илья, управляющий грозами, жестоко карает непочтительное отношение к его празднику.

Специфичным для народных примет, содержащих лексему *гром*, является описание условий фиксации первого грома: *Первый гром весною – признак наступающего тепла; Если первый гром прогремел после схода снега, но на голый лес – к неурожайному лету.*

В народных приметах устанавливает зависимость урожая нового года от акустической силы явления: *Если первый гром слышится глухими раскатами, будет смачное (сырое) лето и урожай.*

Существенно отметить, что гром выступает в роли темпорального конкретизатора. Гром понимается как явление знаменосное, разделяющее время на **до** и **после**: *До первого грома не садятся вечера; До первого грома земля не замерзает; С первым громом земля растрескивается и принимает в себя воду, стоявшую дотопе в лужах.*

К самостоятельным оптическим явлениям относим *радугу* и *зарю*.

Лексема *радуга* в качестве основной прогнозирующей характеристики имеет указание на цвет: *Зеленая радуга – к дождю, желтая – к хорошей погоде, красная – к жаре и ветру; Переход белой радуги в цветную предвещает дождь.*

Кроме того, внимание акцентируется на высоте радуги (*Появление высокой радуги предвещает бурю*), времени фиксации явления (*Радуга в зимнем небе – к морозу либо к снегу*), пространственной локализованности (*Радуга на западе – будет дождь, на востоке – погода*).

Цветовая характеристика является доминирующей и в народных приметах, содержащих лексему *заря*: *Желтая и желто-розовых тонов заря на горизонте предвещает сухую и ясную погоду*. Темпоральная характеристика в силу природных особенностей оптического явления репрезентируется лексемами *утренняя/вечерняя*: *Вечерние зори скоро перегорают – к оттепели; Утренние зори зимою скоро перегорают – к холоду*. Темпоральная характеристика может передаваться и предложно-падежными формами существительных: *Вечером зори скоро перегорают – к оттепели; Утром или вечером высокая заря имеет багрово-красную окраску – скоро будет сильный ветер*.

В третьей главе «Семантико – синтаксическая структура народных примет, содержащих лексику номинативного поля концепта *небо*» рассматриваются эксплицитные и имплицитные способы репрезентации семантики предсказания на базе простых и бессоюзных сложных предложений.

III.1. Принимая во внимание амбивалентный характер языкового знака, реализующего себя в двух плоскостях (формальной и содержательной), мы должны учитывать возможность передачи одной и той же семантической составляющей различными формальными способами.

Выявление семантической составляющей в синтаксических конструкциях повлекло концентрирование внимания на структуре события, ситуации как денотате предложения, результатом чего явилось заимствование синтаксисом из логики понятия «пропозиция», обозначающего «то общее, что существует между предложениями и его возможными перефразировками в пределах данного языка, а также его переводами на другие языки. Пропозиция понимается как модель называемого предложением «положения дел»...» [Белошапкина 1989: 686]. Понятие *пропозиция* не следует отождествлять с понятием предикация, имеющим эксплицитное выражение отношения к действительности посредством объективной модальности и темпоральности. Пропозиция же может указывать на «положения дел» безотносительно к модальности и темпоральности благодаря способности репрезентироваться, в частности, предложно-падежными формами существительных. Так, словоформы *перед дождем, без росы, к морозу* в рамках нашего исследования квалифицируем как «имплицитный способ репрезентации пропозиционального значения обусловленности» [Фаттахова 2002: 49]. Введение в данное определение семантической составляющей (значения обусловленности) связываем с контекстом, в рамках которого анализируются названные словоформы. В народных приметах словоформы *перед дождем, к морозу* указывают на предшествовавшее действие либо на последующее (*Перед дождем лес притихает; Венцы вокруг солнца – к дождю*).

Сочетание номинализованной и развернутой пропозиций в рамках одного простого предложения позволяет говорить о наличии характерных для народных примет условно-следственных отношений, представленных имплицитным

способом, что свидетельствует о синтаксической компрессии ввиду стремления к максимальному лаконизму.

Среди простых предложений с имплицитно представленной условно-следственной семантикой наиболее полно реализующей свернутую пропозицию является модель N1-N1, в которой отсутствуют какие-либо выраженные средства взаимообусловленности: *Ясный восход солнца – ведрое лето; Октябрьский гром – бесснежная зима; Звездная ночь на Богоявление – урожай на горох и ягоды.*

Данная модель может иметь в качестве сказуемого лексемы *признак, знак*: *Румяный закат солнца в серое летнее утро – признак ведренной погоды; Радуга – знак скорого ведра.*

Обращение к лексеме *признак* актуализирует в сознании ряд глаголов аналогичной семантики (*предсказать, предвещать*), эксплицитно выражающих условно-следственную семантику: *Гром в сентябре предвещает теплую погоду; Красные облака вечером перед заходом солнца предсказывают ветер.*

Представленные приметы соответствуют модели «А предсказывает В», в которой четко разделяются пропозиция-условие и пропозиция-следствие. Отметим, что в народных приметах часто для репрезентации пропозиций употребляются предложно-падежные формы существительного: 1) в, на, при + предложный падеж; 2) с, над + творительный падеж; 3) с, без, из + родительный падеж; 4) на, под, через + винительный падеж: *Летом сильная духота без грозы не обходится; При новой луне и ее исходе погода меняется; Перед грозой лес притихает; Перед дождем звезды отливают синим цветом.* Следует отметить, что функция предлога в русском языке в условиях детерминации занимает особое положение и названа союзоподобием. Данное определение обусловлено сходством функции, выполняемой предлогом в указанных конструкциях, с функцией союза в сложноподчиненном предложении.

Способностью к номинализации пропозиции-условия обладает словосочетание «прилагательное + существительное», в котором прилагательное может репрезентировать следующие признаки:

1) темпоральные: *Радуга вечерняя – к хорошей погоде, а утренняя – к дождю;*

2) количественно-качественный признак: *Яркие крещенские звезды породят белых ярок; Бледная луна дает дождь;*

3) колористический признак: *Месяц красен – к дождю;*

4) степень удаленности от земли: *Радуга пологая и низкая – к ненастью.*

III.1.1. В корпусе отобранных нами примет имеются обобщенно-личные предложения с главным членом, выраженным глаголом в форме 2-го лица единственного числа повелительного наклонения. Употребление повелительного наклонения глагола передает не только предсказание, но и рекомендует определенный тип поведения, что в целом отражает прагматические особенности народных примет.

Более того, использование названной формы не только реализует прогностическую и кумулятивную функции приметы, но и образует в рамках

контекста адресата, к которому направлена сообщаемая информация: *Руби дерево в ветха; Строевой лес руби в полнолуние: вырубленный на ущербе сгнивает.*

Имплицитно представленное побуждение к действию могут заключать и обобщенно-личные предложения с главным членом, выраженным глаголом 3-го лица множественного числа изъявительного наклонения: *На ущербе новой хаты не начинают строить, печи не кладут; В новолуние дерева не валят.*

Форма 3-его лица множественного числа глагола, не имея определенного адресата, скорее всего, призвана указать на привычное, позиционируемое как эталонное поведение окружающих с целью уподобления адресата поведению окружающих.

Форма 3-его лица в безличном употреблении также способна выполнять апеллятивную функцию: *В новолуние не следует солить домашних продуктов; Не годится сажать картофель на исходу.*

III.2. Бессоюзные предложения характеризуются отсутствием вербализованных смысловых связей между содержанием предикативных частей. Невербализованный способ репрезентации смысловых отношений именуется имплицитным.

В рамках народных примет апперцепционная база сформировала ряд традиционных форм репрезентации имплицитно представленных условно-следственных отношений: «Бессоюзный способ соединения предложений, репрезентирующих условно-следственные отношения, опирается на устойчивые соотношения сказуемых в первой, обуславливающей, и второй, обусловленной, части» [Фаттахова 2004:115].

Наиболее употребительно следующее соотношение сказуемых: в обуславливающей и обусловленной частях – будущее время: *Подует ветер от Киева, посулит грозное лето; Утренняя заря скоро потухнет – будет ветер.* Данную тенденцию объясняем тем, что «формы будущего времени наиболее приспособлены для выражения потенциальности и его частных оттенков» [Вагнер 2008: 16].

Реже встречаются следующие соотносительные пары сказуемых:

- 1) прошедшее время – будущее время: *Из гнилого кута наволокло тучи – будет дождь; Пошел дождь зарею – рано перестанет;*
- 2) настоящее время – настоящее время: *Радуга долго стоит – погода идет к ненастью;*
- 3) настоящее время – будущее время: *Закат красный – день будет ясный; Небеса чернеют – гроза будет.*

В обусловленной части допускает употребление инфинитива, чаще всего инфинитива глагола *быть*, что репрезентирует прогнозируемую пропозицию как закономерную: *Солнце заходит в тучу без малейшего просвета – быть завтра дождю; Идет непрерывный гром – быть граду.*

Инфинитив может быть представлен в сочетании с категорией состояния: *Солнце в стену садится – надо быть дождю.*

Прогнозируемая пропозиция выражается и повелительным наклонением глагола в несвойственном ему значении предсказания: *Луна ночью покраснела –*

жди завтра ветра. Семантика глагола ждать («быть где-нибудь, в каком-нибудь состоянии, рассчитывая на появление кого-чего-либо») не предполагает выполнения реального физического действия. Скорее всего форма *жди* развивает значение «точно, безусловно будет», придавая глагольной форме определенную модальную семантику. Смеем предположить, что употребление императива обусловлено обобщенной семантикой глагольной формы 2-го лица, имеющей обобщенного адресата: *Овцы жмутся в кучу – жди дождевую тучу; Темнеют солнца лучи – жди сильной грозы*.

В **заключении** представлены основные выводы, полученные в результате диссертационного исследования.

Обнаружено различное толкование термина *концепт*. Широта определения понятия зависит от целей и задач научного исследования. В рамках настоящей работы под понятием *концепт* подразумевается зрительно ассоциируемое пространство, исключая ценностную, религиозную составляющие называемого явления.

Установлено, что рассмотрение концепта *небо* в системе народных примет русского языка позволяет выявить национальные особенности восприятия явления, называемого небом, раскрывает логику мышления, согласно которой небо чаще всего ассоциируется с небесными светилами (*солнцем, луной, звездами*), реже – с *облаками, громом, грозой, радугой, зарей*.

Выявлено, что народные приметы, реализуя когнитивную обработку накопленных знаний об окружающей действительности, репрезентируют их на языковом уровне при помощи атрибутивной и предикативной сочетаемости лексем. Основную часть предикативной сочетаемости составляют глаголы движения, указывающие на динамическое либо статическое поведение объектов наблюдения. Наиболее востребованной в аспекте атрибутивной сочетаемости является семантика цвета, формы, размера, удаленности.

Отмечено частотное употребление в народных приметах обстоятельственных распространителей с семантикой темпоральности, фиксирующих определенный день, месяц, время года, часть суток. Особенностью русских народных примет является их ориентация на определенный день месяцеслова, что отражает национально-культурные представления русского народа, согласно которым за определенным именем святого закреплен конкретный день с обязательными для него действиями или явлениями.

Доказано, что спецификой народных примет, содержащих лексемы номинативного поля концепта *небо*, является их ориентация на простые и бессоюзные предложения, позволяющие приметам наиболее полно и лаконично передать основные семантические и прагматические составляющие.

Таким образом, осуществленное исследование семантико-синтаксических особенностей народных примет, содержащих лексемы номинативного поля концепта *небо*, позволяет описать содержание концепта, особенности его восприятия обывателем, проследить отражение мифологических представлений о данной первостихии, а также выявить систему языковых средств, репрезентирующих условно-временную семантику высказывания.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах, включенных в перечень ВАК Министерства образования и науки РФ:

1. Федорова Н.И. Семантико-синтаксические особенности функционирования лексемы *луна/месяц* в народных приметах / Н.И. Федорова // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета, 2010. – №1. – С.101-104. (0,25 п.л.)

2. Федорова Н.И. Номинативное поле концепта *небо* (на примере русских народных примет) / Н.И.Федорова // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. Русская филология, 2011. – № 4. – С. 40-45. (0,3 п.л.)

Статьи докладов в научных журналах и сборниках научных трудов и материалов научных конференций

3. Федорова Н.И. Особенности функционирования лексемы *солнце* в народных приметах / Н.И. Федорова // Филология в полиэтнической и межкультурной среде: состояние и перспективы. – Казань: РИИ, 2009. – С.271-279. (0,5 п.л.)

4. Федорова Н.И. Особенности атрибутивно-предикативной сочетаемости лексемы *звезды* в народных приметах / Н.И. Федорова // Современные проблемы русистики и лингвометодики. – ТГГПУ, 2010. – С.315-322. (0,45 п.л.)

5. Федорова Н.И. Имплицитные конструкции, выражающие условно-временные отношения в народных приметах (на примере народных примет, содержащих лексему *луна*) / Н.И. Федорова // Языковые измерения: пространство, время, концепт: Материалы IV Международной конференции по актуальным проблемам теории языка и коммуникации. Т.2. – Москва: Военный университет, 2010. – С. 455-459. (0,4 п.л.)

6. Федорова Н.И. Лексема *солнце* в народных приметах русского языка: семантико-синтаксический аспект / Н.И. Федорова // Studia Slavica X: Сборник научных статей молодых филологов. – Таллинн, 2011. – С. 314-322. (0,5 п.л.)

7. Федорова Н.И. Формальные средства выражения темпорально-кондициональных отношений в поговорках русского языка / Н.И. Федорова // Филология и образование: современные концепции и технологии: Материалы Международной научной конференции. – Казань: Изд-во МОиН РТ, 2010. – С.428-430. (0,15 п.л.)

8. Федорова Н.И. Особенности функционирования лексемы *облако (туча)* в народных приметах / Н.И. Федорова // Филология и образование: современные концепции и технологии: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Ч. 3. – Казань: ТГГПУ, 2011. – С.92–98. (0,45 п.л.)

9. Федорова, Н.И. Лексема *солнце* как отражение народных воззрений (на примере народных примет) / Н.И. Федорова // Жизнь, посвященная тюркологии: Материалы Международного тюркологического симпозиума. – Казань: ТГГПУ, 2011. – С.351-355. (0,4 п.л.)

Бумага офсетная. Печать - ризография.
Тираж 100 экз., 24 стр. 6 печатных листов. Заказ №22

“Первый печатный двор”
420111, г.Казань, Ул.Университетская, 11/46